

Древние использовали «Оду нимфе реки Ло», чтобы описать ее красоту. В прошлом Янь Цзинь Цю не уделял этому большого внимания. Где в этом мире может быть такая красота? Если бы такая красавица действительно существовала, сколько мужчин сошло бы с ума?

Однако после вчерашней трапезы и их первой брачной ночи, полной свечей и цветов, он, наконец, понял эти строки из оды:

«Она будто лебедь, встревоженный светом,

Не ходит – летает, парит над землюю.

Изящна, как самый прекрасный дракон.

Сверкает туманной осенней красою,

Цветком хризантемы, украсившим трон». [1]

Он переоделся рано утром и теперь смотрел на женщину, прихорашивающуюся перед зеркалом. Она лишь подперла щеку рукой, но даже такое простое действие превратило ее в вальяжную красавицу. Это заставило наблюдавшего за ней возжелать стать нефритовым браслетом, который она держала в руке, и насладиться всего лишь одной её улыбкой.

Поскольку свадьба только что состоялась, и они должны были посетить императора и императрицу, Хуа Си Ван выбрала платье с широкими рукавами, украшенное цветами. Цвета были яркими, но когда Хуа Си Ван надела платье, она сумела оттенить блеск больших красных цветов. Люди видели только ее белую кожу и красивую фигуру.

Поглядев на себя в зеркало и оставшись довольной высокой прической с аккуратно уложенными завитками, Хуа Си Ван выбрала буаю в форме синей птицы, держащей жемчужину, чтобы прикрепить к волосам. Это заставило желтый цветок, нарисованный на ее лбу, тоже стать ярче.

Бай Ся и другие не спрашивали, почему ванфэй выбрала эту золотую шпильку, которая была возмутительно роскошна. Они лишь следовали ее желанию – нарядили и накрасили ее настолько красиво, насколько могли.

Они прислуживали ванфэй уже более семи лет и редко видели, чтобы Хуа Си Ван обращала внимание на свой наряд. Обычно она носила то, что было максимально удобно. Только когда она шла к третьему господину Хуа, чтобы поздороваться поутру со старой госпожой, ванфэй надевала наряд, подобающий госпоже поместья хоу. Они никогда не видели ее такой, как сегодня. Сейчас она лично выбрала все, начиная от заколок для волос и заканчивая ароматическим мешочком.

Хуа Си Ван использовала кисть для бровей, чтобы придать им подходящую форму, и даже использовала специальный карандаш, чтобы подвести глаза. После того, как она закончила наносить свой макияж, она позволила служанкам надеть на себя украшения.

Каждая женщина периодически ленится ухаживать за собой, но когда им нужно выйти в свет, изысканный макияж и роскошная одежда необходимы. Люди часто говорят: «Женщины наряжаются, чтобы понравиться другим». Хуа Си Ван фыркнула, вспомнив эти слова. Она красилась и одевалась перед выходом не для того, чтобы вызвать симпатию какого-нибудь мужчины, а чтобы самой почувствовать себя прекрасной. Какой мужчина в мире не хотел бы быть немного симпатичнее, так почему женщине не желать того же?

Но мужчины почему-то считают, что все женщины в мире красиво одеваются, чтобы привлечь их внимание. Она не знала, в чем причина того, что они были столь самоуверенны.

Это дома она может позволить себе ходить с распущенными и растрепанными волосами, но если ей нужно покинуть поместье, она будет яркой и красивой, словно императрица.

После того, как служанки завязали последнюю кисточку на платье, Хуа Си Ван повернулась к Янь Цзинь Цю, сидевшему сбоку. Она слабо улыбнулась и сказала: «Цзинь Цю, ты долго ждал».

- Смотреть, как одевается красавица – это удовольствие, а не ожидание.

Янь Цзинь Цю отвёл взгляд в сторону, подошел к Хуа Си Ван и сказал: «Солнце еще не встало. Почему бы нам не позавтракать, прежде чем отправиться к императору?»

«Как скажешь», - кивнула Хуа Си Ван. Ей было известно, что мать Янь Цзинь Цю умерла рано, а его отца Сянь Вана не стало четыре года назад, поэтому ей не нужно было прислуживать старшим во время чайной церемонии. На её губах блуждала улыбка, и она протянула руку Янь Цзинь Цю, чтобы он помог ей встать. Выйдя из внутренних покоев во внешний зал, она увидела процессию служанок, несущих всевозможные блюда. Они споро расставили блюда и приборы на столе, а потом отступили.

Казалось, правила соблюдались здесь безукоризненно, несмотря на то, что в этом поместье давно не было хозяйки. Хуа Си Ван обвела взглядом евнухов и служанок, стоявших в комнате со склоненными головами. Когда они с Янь Цзинь Цю сели, она позволила девочкам-служанкам вымыть ей руки, прежде чем приступить к еде.

Несмотря на то, что количество блюд было таким же, как и в поместье хоу, попробовав их, она могла сказать, что ингредиенты были более изысканными, чем у них дома. Му Тун явно был очень ответственным управляющим, и по слугам было видно, что они уважали и боялись своего хозяина - Сянь Цзюньвана.

Поговаривали, что характер Сянь Цзюньвана был добрым и понимающим. Но тогда как же он смог заставить слуг уважать и бояться себя?

Она наклонилась чуть вперед к чаше с её кашей, чтобы взглянуть на Янь Цзинь Цю, сидевшего рядом. С объективной точки зрения, у Янь Цзинь Цю была очень красивая внешность. Она не видела более совершенных мужчин, даже в прошлой жизни, когда была завсегдатаем ночных клубов. Он несомненно привлекательный мужчина. Неудивительно, что он имел такую популярность среди женщин города Цзин.

Каша была сделана из тщательно перебранного фиолетового риса, достаточно полезного, имевшего приятный вкус и не слишком жирного. Это была весьма полезная еда после пробуждения ото сна. Она с удовольствием подумала, что после свадьбы с Цзюньваном о еде беспокоиться ей не придется.

Закончив завтрак, Хуа Си Ван прополоскала рот и вытерла его поданным полотенцем. Она обратилась к Янь Цзинь Цю с улыбкой: «Мне любопытно, кто главный повар в поместье. Блюда на вкус просто изумительные. Хун Ин, награди главного повара десятью талями серебра, его помощников - пятью, а остальным, кто работает на кухне, выдайте немного бумажных денег».

Хун Ин с поклоном ответила: «Будет исполнено, госпожа».

Хуа Си Ван кивнула. Повернувшись к Янь Цзинь Цю, она сказала: «Выйдя замуж за Цзинь Цю, мне явно не суждено умереть голодной смертью».

Янь Цзинь Цю вымыл руки и вытер их полотенцем. Услышав слова Хуа Си Ван, он улыбнулся и сказал: «Это их обязанность - прилежно служить своим хозяевам, а также их удача».

Хуа Си Ван тоже с улыбкой ответила ему: «Несмотря на это, мы должны вознаграждать тех, кто упорно работает. И ставить их в пример другим».

- Ты права.

Янь Цзинь Цю посмотрел на цвет неба за окном и встал из-за стола со словами: «Время пришло, нам пора идти».

Хуа Си Ван кивнула. Когда она хотела встать, она увидела перед собой протянутую руку Янь Цзинь Цю. Она не стала смущаться, а вложила свою руку в его ладонь, чтобы использовать его в качестве поддержки. Вслед за Янь Цзинь Цю она вышла из зала.

Рядом с главным домом, в котором они жили, раскинулся большой сад со всевозможными экзотическими и редкими растениями. Прелести саду также добавляли большие декоративные горы. За главным домом находился большой пруд с лотосами, а на его вершине был сооружен девятибортный мост. Когда Хуа Си Ван переходила по мосту, она увидела плавающих в воде рыбок.

Поместье Сянь Цзюньвана было весьма интересным. Дом у гор и воды по фэншую считался

хорошо расположенным, не говоря уже о пруде лотосов, который приносил удачу. Было заметно, что старый ван приложил немало усилий, чтобы построить этот дом.

Выйдя наружу, они увидели два ожидающих их паланкина. Когда паланкины были доставлены к главным воротам, она сошла вниз и посмотрела на пару устрашающих львов, стоящих у передних ворот поместья вана. После чего она огляделась. Вокруг не было людей, которые глазели бы на них, только охранники, стоявшие на вытяжке со склоненной головой. На черной, без единого пятнышка шкуре лошадей, запряженных в повозку, выделялись висящие на их шее медные колокольчики.

- Пойдем, - Янь Цзинь Цю поднялся в экипаж и наклонился, чтобы протянуть руку Хуа Си Ван. - Поднимайся.

Человек перед ней был одет в парчовые одежды цвета неба после дождя. Его черные волосы были собраны в пучок и заколоты нефритовой шпилькой. Эта легкая улыбка и благородный жест действительно делали его похожим на идеального мужчину из женских грез. Хуа Си Ван улыбнулась и протянула ему руку, вставая на скамеечку, чтобы сесть в экипаж. Ее буяно слегка качнулось, и на ее лице появился намек на застенчивость, присущую только женщинам.

Но в этом мире никогда не бывает людей совершенных и безупречных. Если у человека есть желания, у него найдутся и слабые места.

- Осторожно, - сказал Янь Цзинь Цю, обнимая Хуа Си Ван за талию. - И не беспокойся, во дворце я все сделаю сам.

Хуа Си Ван улыбнулась и опустила глаза.

- Хорошо.

Императора Цилуна можно было считать очень способным человеком. То, что он отвоевал трон у братьев, было главным доказательством его способностей. Заняв это место, он также доказал, что подходит на роль императора. Единственным его величайшим сожалением в этой жизни было то, что у него мало детей. В этом отношении братья императора ушли далеко вперед.

Хуа Си Ван знала, что у Янь Цзинь Цю есть старшая сестра и незаконнорожденный брат на несколько месяцев младше него. Но она никогда не видела этих двоих, поэтому не стала бы неожиданно упоминать о них в присутствии Янь Цзинь Цю.

Войдя в императорский дворец, Хуа Си Ван обнаружила, что его планировка отличается от Запретного дворца, который она посещала в своей прошлой жизни, но аура, которую он излучал, была такой же. Точнее даже будет сказать, что он превосходил впечатление, производимое Запретным дворцом, так как тот давно перестал принадлежать феодальным правителям, и стал обычной туристической достопримечательностью. В отличие от этого дворца, войдя в стены которого, она испытала чувство строгого разграничения социальных

слоев.

Дворцовые дамы и евнухи, которых они встречали по пути, боязливо кланялись им, и тут же опускали глаза. Вдобавок евнухи, которые сопровождали их, вели себя чрезвычайно осторожно и предупредительно. Всё это вместе создавало ощущение, что это действительно то, что называлось императорским дворцом. Даже играя императрицу в предыдущей жизни, ей не приходилось чувствовать подобное. Вероятно, это и есть так называемая аура абсолютной власти.

Император Цилун обосновался в зале Гуан Ян дворца Чэн Тань. Не прошло и пятнадцати минут после прибытия Янь Цзинь Цю и Хуа Си Ван во внешний зал, как евнух Ма Гунгун, которому больше всего доверял император Цилун, подошел к ним и сказал, что император зовет их.

- Этот слуга еще не поздравил цзюньвана, - сказал Ма Гунгун с поклоном. - Желаю вану и его жене скорейшего рождения сына.

- Мы принимаем добрые слова Ма Гунгуна. - Сянь Цзюньван улыбнулся, хотя не было похоже, что он пытался намеренно завоевать расположение людей, близких императору. - И просим вас показать нам дорогу.

- Цзюньван Е слишком учтив.

Ма Гунгун сделал несколько шагов в сторону, и после легкого поклона он повел их двоих в сторону зала Гуан Ян. От начала до конца он не бросил ни единого любопытного взгляда на Хуа Си Ван.

- Пожалуйста, Ван Е, ванфэй, подождите минутку.

Подойдя к двери главного зала, Ма Гунгун сначала поклонился, а затем прошел в зал доложить об их приходе. Некоторое время спустя еще один высокопоставленный евнух вышел, чтобы пригласить их войти.

- Подданный-племянник и его жена приветствуют императора.

Янь Цзинь Цю завел жену в зал. Хуа Си Ван увидела лишь краешек ярко-желтой мантии императора, прежде чем опуститься на колени рядом с Янь Цзинь Цю.

В тот момент, когда Янь Цзинь Цю завел Хуа Си Ван в зал, улыбка на лице императора Цилуна слегка померкла. После того, как Янь Цзинь Цю опустился на колени, его улыбка вернулась.

- Евнух Ма, скорее помоги Цзюньван Е встать.

Ма Гунгун и одна из придворных дам с улыбками на лицах направились на помощь молодоженам. Хуа Си Ван слегка кивнула женщине, которая помогла ей подняться, прежде чем молча встать рядом с Янь Цзинь Цю.

- В нашей семье нет необходимости быть настолько формальными. Быстрее садитесь.

На лице императора Цилуна сияла открытая улыбка. Как дядя, он не мог смотреть на жену своего племянника, поэтому его взгляд естественно остановился на Янь Цзинь Цю.

- Теперь, когда ты женился, тебе следует подумать о государственной должности. Мы все еще надеемся, что ты станешь нашей опорой и сможешь облегчить нашу ношу. [2]

- Император слишком добр. Ваш преданный слуга еще молод и невежественен. Я счастлив уже от того, что вы не призираете меня за то, что я не очень хорошо выполняю свои обязанности. Ваш подданный не достоин того, чтобы взять на себя обязанности помощника, - тон и поведение Янь Цзинь Цю были идеальными. Слухи о его выдающихся талантах не были безосновательными.

- Молодые люди постигают науку во время учебы.

Казалось, ответ Янь Цзинь Цю совсем не задел императора, потому что он доброжелательно добавил: «Воспитание в семье хоу И'Ань строгое, и члены этой семьи обладают хорошими манерами».

- Ваш подданный запомнит наставление императора. - Янь Цзинь Цю встал, чтобы поклониться императору, и продолжил: - Племянник благодарит императора за благосклонность. Если бы не вы, я не смог бы жениться на такой добродетельной женщине.

Хуа Си Ван наклонила голову, продемонстрировав еще более застенчивое выражение лица.

Уголки рта императора Цилуна растянулись в улыбке.

- Ха-ха, вы наш племянник, а мы всегда помогаем младшим.

- Ваш племянник заставил вас приложить большие усилия, - Янь Цзинь Цю тоже изобразил намек на улыбку.

---

[1] автор - Цао Чжи (перевод Т. Дедич)

[2] здесь используется китайское слово 朕(zhèn) - уст., офиц. Мы (так император говорит о себе)

<http://tl.rulate.ru/book/5480/178658>